

бава «Введение в языкознание» (ч. I, М.; два издания — 1952 и 1953 гг.) об этой важнейшей отрасли языкознания говорится только между прочим и опять-таки лишь в связи с генеалогической классификацией языков (см. стр. 191—198).

Само собой разумеется, что сравнительно-исторический метод важен не только потому, что на основании его удалось доказать родство индоевропейских и других языков. Этот метод важен особенно потому, что, опираясь на него, можно установить законы или закономерности развития языков. Установление же их является главной задачей языкознания¹⁰.

Вообще проблема законов и закономерностей в развитии языков, к сожалению, далеко недостаточно освещена в «Очерках». Она, конечно, не сводится только к «вопросу о звуковом законе» (см. стр. 122 и сл.). А между тем было бы очень желательным и ценным, если бы автор книги высказал бы свое мнение о том, что называть законом или закономерностью в языкознании, в чем отличие законов развития языка от законов развития иных общественных явлений.

Советские языковеды, естественно, немало уже успели высказать соображений по поводу того, что следует различать общие законы развития всех языков и законы развития таких-то семейств, групп и отдельных языков.

Сделанные здесь замечания о некоторых недостатках в целом интересной книги проф. Р. А. Будагова вовсе не означают того, что мы не можем рекомендовать ее учащейся молодежи. Мы приветствуем инициативу, проявленную автором «Очерков по языкознанию» в деле популяризации некоторых разделов общего языкознания. Мы надеемся, что высказанные здесь соображения помогут впоследствии сделать автору эту свою книгу еще более полезной во втором ее издании. Для нас самое главное то, чтобы читатель рассмотренной книги правильно понял, каковы наиболее важные проблемы в области языкознания, какими средствами располагает эта наука для решения своих основных задач, что составляет содержание ее основных разделов.

У читателя «Очерков по языкознанию» может остаться превратное представление о том, что в центре всех проблем современного нам языкознания находятся проблема слова и его «значений» и проблема грамматических категорий. Поэтому автор поступил бы правильнее, если бы точнее определил место тех проблем, которые он подробно рассматривает в своей книге среди прочих наиболее важных вопросов науки о языке.

А. А. Белецкий

Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в трех томах).—Изд. АН СССР, 1953. 93 стр. (Ин-т языкознания.)

Создание трехтомного «Словаря современного русского литературного языка» является событием большого научного и общественного значения. Вопросами языка интересуются в нашей стране не только ученые-языковеды, но и представители самых разнообразных профессий, люди разного возраста и образования. Нормативный толковый словарь, настольная книга каждого культурного человека, является необходимым орудием развития и совершенствования культуры устной и письменной речи.

Последний полный академический словарь вышел более ста лет тому назад¹. Начатый в конце XIX в. большой академический словарь не был доведен до конца, план его несколько раз менялся; нормативным был только первый том, который редактировал акад. Я. К. Грот (буквы А — Д)².

Вышедшие в советское время два толковых словаря русского литературного языка не могут полностью удовлетворить всех запросов современного читателя. Первый из этих словарей — четырехтомный, под ред. Д. Н. Ушакова³ — охватывает большое количество слов и выражений (около 90 000 слов). Выдающийся лексикографический труд для своего времени, словарь этот в настоящее время в значительной своей части устарел. Однотомный словарь С. И. Ожегова⁴ отражает современное

¹⁰ См. И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1954, стр. 33—34.

¹ «Словарь перковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд-нием Имп. акад. наук», СПб., 1847.

² «Словарь русского языка, сост. Вторым отд-нием Имп. акад. наук», т. I, СПб., 1895.

³ «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, М.: 1-е изд.—1935—1940; 2-е фотоофсетное изд.—1947—1948.

⁴ «Словарь русского языка», сост. С. И. Ожеговым, М., Изд-во иностр. и нац. словарей: 1-е изд.—1949; 2-е изд.—1952; 3-е изд.—1953.

состояние языка и современные языковые нормы, но по охвату лексики (около 52 000 слов) и особенно фразеологии он не может заменить большого словаря.

Будущий трехтомный словарь «должен отразить те сдвиги⁵, которые произошли в словарном составе русского литературного языка, то новое, что в него внесено и вносится, и удовлетворить назревшую потребность в достаточно полном и в то же время широко доступном словаре современного литературного языка» (стр. 6)⁶. «Назначение трехтомного Словаря — дать нормы употребления слов, входящих в словарный состав современного русского литературного языка...» (стр. 7). Понятно, что такой словарь с нетерпением ожидается самыми широкими кругами читателей нашей страны. Словарь ждут также и за рубежом, прежде всего в странах народной демократии, где изучение русского языка приняло массовый характер. Трехтомный словарь несомненно окажет влияние и на построение, и на характер объяснений, и на системы помет в будущих толковых словарях других языков, так как опыт русской советской лексикографии всегда учитывался и учитывается в наших национальных республиках, а теперь и в странах народной демократии.

Все сказанное определяет значение будущего трехтомного словаря, а соответственно и те высокие требования, которые предъявит к нему советская общественность.

В вышедшей печатной «Инструкции» отражены основные принципы построения трехтомного словаря. Следует приветствовать прежде всего самый факт облубликования инструкции, позволяющий ознакомиться с ней довольно широкому кругу лиц, так или иначе заинтересованных в успехах словарного дела.

Каждая словарная инструкция имеет не только практическое значение — применительно в данному словарю, но и теоретическое — для лексикографии в целом. Качество инструкции, четкость ее положений и всесторонний охват вопросов, возникающих при составлении и редактировании словаря, во многом определяют и качество самого словаря, единство его структуры.

«Инструкция», как это отмечается и в предисловии, составлена «на основе учета опыта предшествующих толковых словарей русского языка» (стр. 3), главным образом четырехтомного «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова и однотомного «Словаря русского языка» С. И. Ожегова. В «Инструкции» заметно влияние и вводных статей к этим словарям. Кроме того, в ее построении и в формулировках отдельных параграфов есть прямая зависимость от «Проекта Словаря современного русского литературного языка» (М.—Л., 1938). В работе использованы также «Инструкция для редакторов, составленная С. П. Обнорским» (М.—Л., 1936) и рукописный «Проект инструкции для Словаря современного русского литературного языка в 14 томах» (1952).

Кроме предисловия и введения, «Инструкция» содержит восемь глав, посвященных подбору слов в словаре, структуре словаря, подаче омонимов, вопросам смысловой и стилистической характеристики слов, фразеологии, иллюстративному материалу, вопросам грамматической характеристики слов, орфографии и ударения.

Первая глава («Подбор слов в словаре», §§ 1—27) посвящена одному из самых основных вопросов составления любого словаря — вопросу о словнике, его составе, о принципах отбора слов для словаря данного типа. Авторы «Инструкции» хорошо понимают трудности, стоящие перед составителями трехтомного нормативного словаря, и стараются возможно более точно определить его состав, перечисляя основные разряды слов, как включаемых, так и не включаемых в словарь (см. §§ 1—27 1-й главы). Но не все здесь можно признать удачным.

Прежде всего, пользоваться этим разделом «Инструкции» очень трудно. Во-первых, целый ряд категорий слов не назван вовсе. Так, ничего не сказано об установках авторов относительно принципов включения в словарь иноязычных слов (говорится только о заимствованных приставках, § 23), собственных имен различных типов (вопрос о таких словах неизбежно встает при дальнейшем ознакомлении с «Инструкцией», так как встречаются примеры, содержащие имена собственные; см., например, стр. 64 и др.). Ничего не говорится о включении производных слов с продуктивными суффиксами лица: *-ик* (типа *низовик, трестовик, правовик*), *-тор* (типа *дезинфектор, экспедитор*), *-ант* (типа *диспутант, концертант*) и многих других. Производным словам вообще уделяется мало внимания, а между тем специальное рассмотрение этого важного вопроса во многом помогло бы при составлении словника⁷.

Во-вторых, все основные пункты данной главы изложены слишком общо: они не детализированы применительно к типу среднего словаря, каким явится трехтомный

⁵ Точнее следовало бы говорить не о «сдвигах», а об изменениях в словарном составе языка.

⁶ Здесь и дальше в тексте в скобках даны ссылки на страницы или параграфы «Инструкции».

⁷ Ср. §§ 46, 56, 95 и другие в статье «Как пользоваться словарем» в 1-м томе «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, в которых оговорены различные категории производных слов, не подлежащих включению в словарь.

словарь в отличие от большого четырнадцатитомного академического словаря. Трехтомный словарь должен, в отличие от большого словаря, включить с возможной полнотой а к т и в н ю лексику современного русского языка. Между тем, если сопоставить инструкции к обоим словарям, то такие вопросы словника, как вопрос о терминах, о просторечных, областных словах, в обеих инструкциях решаются одинаково и чуть ли не в тех же выражениях. Иногда может даже создаться впечатление, что трехтомный словарь по отдельным категориям слов будет полнее, чем четырнадцатитомный. Так, например, § 14 первой главы «Инструкции» гласит: «Из этнических имен и названий жителей стран включаются в Словарь наименования: а) общеизвестных современных народов...; б) исчезнувших народов и племен, игравших роль в истории народов СССР или в мировой истории и упоминающихся в современной научно-исторической литературе...» (стр. 15).

Во введении к 1-му тому большого словаря читаем: «Из этнических имен и названий жителей стран, как правило, включаются в Словарь наименования: а) общеизвестных современных народов...; б) исчезнувших народов и племен, сыгравших крупную роль в истории народов СССР или в общей истории культуры...»⁸ Итак, большой словарь будет включать только названия тех исчезнувших народов, которые сыграли крупную роль в истории; трехтомный словарь будет содержать все наименования этого рода, упоминающиеся в современной научно-исторической литературе.

В-третьих, приведенные примеры, иллюстрирующие тезисы о включении или невключении той или иной категории слов, мало помогают в уяснении состава и характера словника. Примеров в инструкции должно быть больше и состав их должен быть разнообразнее. Каждый пример в инструкции является представителем целой категории слов в словаре, а потому в ней не может быть случайных, малопоказательных, нехарактерных или спорных примеров. К сожалению, именно таких примеров в «Инструкции» много. Так, например, для пояснения тезиса об устаревших словах, не подлежащих включению в словарь, приводятся три существительных и два наречия: *аргалук*, *берковец*, *тулумбас*, *одесную*, *ошую*⁹. Слово *берковец* показывает, что в словарь не войдут названия старых русских мер (совершенно напрасно, их всего несколько: *верста*, *десятина*, *четверик*, и некоторые другие). Слова *аргалук* и *тулумбас* являются названиями конкретных предметов. Слово *аргалук* не обязательно в словаре, но как пример данного разряда слов в инструкции оно не показательное, так как достаточно широко представлено в художественной литературе (оно есть у Лермонтова, Тургенева, в пьесе братьев Тур «Софья Ковалевская»). Примеры на наречия семантически однородны, поэтому один из них лишний. Многие категории старинных слов никак не иллюстрируются.

Остановимся подробнее на некоторых параграфах первой главы. Напрасно, как нам кажется, исключаются из словаря названия жителей городов и местностей (§ 16). Известно, что при образовании целого ряда таких наименований часто возникают недоуменные вопросы (ср. *харьковец* или *харьковчанин* и т. п.). Включение подобных наименований в нормативный словарь было бы уместно еще и потому, что данная категория слов не вошла ни в толковый словарь под ред. Д. Н. Ушакова, ни в словарь С. И. Ожегова, ни даже в большой четырнадцатитомный словарь.

Слишком общи, неразвернуты §§ 2, 3, 7, 8, 12, 13. Так, § 2 посвящен очень актуальному для словаря современного литературного языка вопросу — принципам отбора специальной и терминологической лексики. «При отборе для Словаря терминов, — говорится здесь, — решающей должна быть общественная роль того или иного термина, но отнюдь не важность его в системе понятий данной науки или отрасли техники. Поэтому, оставляя в стороне узко специальные термины, Словарь включает термины, вошедшие в общеупотребительный словарный состав современного русского литературного языка» (стр. 12)¹⁰. Здесь имеются в виду «... термины, входящие в соответствующие учебники, предназначенные для общеобразовательной школы, а также термины, относящиеся к наукам, не входящим в учебные планы общеобразовательной школы, но употребляемые в научно-популярной литературе и общей прессе» (стр. 12—13). Во-первых, важность термина в системе понятий данной науки и его общественная роль обычно совпадают; во-вторых, нам кажется, что не всякий термин из любого школьного учебника и любой научно-популярной брошюры или газетной статьи должен включаться в словарь данного типа, а только такой, который часто встречается и обозначает о с н о в н ы е понятия данной отрасли знания.

⁸ «Словарь современного русского литературного языка», т. 1, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. VI.

⁹ Следовало бы привести правильную славянскую форму *ошуюю*.

¹⁰ Ср. в ст. С. И. Ожегова «О трех типах толковых словарей современной русского языка»: «... решающим моментом для отбора терминов должна быть не важность термина в системе понятий данной науки или отрасли техники, а его общественная роль» («Вопросы языкознания», 1952, № 2, стр. 100). Правда, это положение здесь аргументируется несколько иначе, чем это сделано в «Инструкции».

Не вносят ясности в вопрос об отборе терминологической лексики и приводимые в § 2 примеры. Прежде всего их мало, к тому же объединяются в один ряд термины, относящиеся к самым разнообразным областям знания. Так, в пункте «а» иллюстрируются сразу «общественно-политическая лексика, официально-деловая и дипломатическая». В пункте «б» — терминология «промышленности, техники, производства, сельского хозяйства, здравоохранения»¹¹. Примеры часто относятся лишь к отдельным, повидимому, случайно выбранным разделам данной области знания; так, например, из области здравоохранения приведено 6 слов: *рентген, стетоскоп, терапевт, окулист, сульфидин, акрихин*. Не названо ни одного отдела медицины, ни одного наименования болезни, лечебного приема, процедуры.

Параграф 7 гласит: «В Словарь включаются лишь те просторечные слова, которые вошли в широкий обиход и встречаются в современной литературе». Примеров не приводится совсем. Вопрос о включении просторечных слов в нормативный словарь имеет принципиальное значение. На нем следовало бы остановиться подробно, перечислить категории просторечных слов, подлежащих включению в трехтомный словарь, в отличие от четырнадцатитомного¹², дать разнообразные примеры. Составители «Инструкции» обошли весь этот круг вопросов и по существу ничего не сказали о месте просторечных слов в будущем трехтомном словаре.

В § 13 следовало указать, даются ли самоназвания народностей, а также прежние названия народностей, встречающиеся в художественной и неспециальной литературе (ср. *гольды* и *нанай* или *нанайцы*; *нымыланы* и *коряки*; *самоеды* и *ненцы* и др.).

Только влиянием «Проекта Словаря» (1938) можно объяснить ненужное указание на включение таких сложных слов, как *снегопад, сталевар, теплоход, пятилетка, самолет* и др. (§ 19); сложность включения их в словарь любого типа не вызывает ни малейшего сомнения¹³. То же относится и к уменьшительным по происхождению словам типа *вилка, чашка, карлик, телушка* (§ 26). С другой стороны, в «Инструкции» ни слова не сказано о принципах включения сложных прилагательных типа *народнодемократический, народнохозяйственный, широколиственный, малоупотребительный, дико растущий, труднопроходимый, светлосеялый, яркокрасный, пепельносерый, бледновато-розовый, отчетно-выборный, восьмичасовой* и т. п. Между тем практически часто бывает трудно решить, включать или не включать тот или иной тип сложных прилагательных в словарь. За включение их говорит такое немаловажное для нормативного словаря обстоятельство, каким является не всегда ясное правописание сложных прилагательных.

В первой главе «Инструкции» многое остается неясным, недосказанным, нечетко выраженным. Отчасти это может быть объяснено отсутствием конкретных лексикологических исследований. Известную помощь составителям словаря могло бы оказать предварительное составление отдельных словников для разных названных выше групп слов.

Вторая глава «Инструкции» («Структура словаря», §§ 1—18) содержит описание построения словаря. Словарь строится в духе русской лексикографической традиции, ближе всего к структуре четырехтомного толкового словаря под ред. Д. Н. Ушакова. Глава изложена достаточно ясно и подробно. Жаль только, что ее материал никак не связывается и не соотносится с другими главами, особенно с VII главой, посвященной грамматической характеристике слова. Серьезным упущением является неразработанность вопроса о ссылках. Неясно, будут ли даваться ссылки при косвенных падежах личных местоимений (например: *меня* см. *я*; *его* см. *он*; *тобой* см. *ты* и т. п.); будут ли ссылки на своем алфавитном месте при названиях народностей (например: *индианка* см. *индейцы*; *индианка* см. *индийцы*); как будут даваться ссылки при орфографических вариантах, как будет оформлена ссылка (ее общий характер, шрифты, пометы и т. п.). Составители напрасно отказались от ссылок в случаях чередования фонем (§ 16), тем более, что для ограниченного числа слов они даются (§ 18). В ряде случаев такие ссылки были бы полезны (особенно для лиц, не вполне владеющих русским языком).

Третья глава «Инструкции» («Омонимы», §§ 1—2) посвящена одному из самых спорных вопросов современной лексикографии — принципам разграничения омонимов в толковом словаре русского языка. Очень хорошо, что составители «Инструкции» вы-

¹¹ Из области сельскохозяйственной терминологии здесь нет ни одного примера, зато присутствуют составные названия (*отбойный молоток, горный комбайн*), о которых специально должно говорить в V главе, а также профессиональные наименования лиц (*окулист* и пр.), которым специально посвящен следующий параграф (§ 3).

¹² Во введении к 1-му тому большого словаря о просторечных словах говорится то же самое: «Широко употребительная просторечная лексика включается в Словарь с соответствующими пометами» (стр. V).

¹³ В инструкции 1938 г. к четырнадцатитомному словарю оговорка о самостоятельной подаче на своем алфавитном месте сложных слов объясняется гнездовой системой построения словаря.

делили этот вопрос в самостоятельную главу. В «Инструкции» совершенно правильно выдвигается в качестве основного принципа выделения омонимов структурно-семантический анализ слова¹⁴. В будущем словаре выделяются три группы омонимов. Первая группа — омоформы: «слова, совпадающие по звучанию в одной или нескольких присущих им формах и расходящиеся в других». В этой группе выделяются: а) «слова, принадлежащие к различным частям речи» (например: *пасть* — существительное и т. п.); б) «глаголы, совпадающие в форме инфинитива и в формах, производных от основы инфинитива, и различающиеся в прочих формах» (например: *жасть* — *жстну* и *жасть* — *жстму*); в) «глаголы, совпадающие по звучанию в одной из видовых форм, но отличающиеся в другой; глаголы, совпадающие по звучанию в противоположных видовых соответствиях» (например: *прорывать* — несов. к *прорвать* и *прорывает* — несов. к *прорыть*; *искупать* — несов. к *искупить* и *искупать* — сов. к *купать*).

Вторая группа — «слова разного происхождения, совпавшие по звуковому облику во всех своих формах». В этой группе выделяются две подгруппы. Первая — слова непроизводные, среди них — «слова, пришедшие из разных языков» (например: *бак* «часть палубы» и *бак* «сосуд»), «слова русские и слова иноязычные» (*клуб* «общественная организация» и *клуб* «шарообразная масса»), «русские слова различного происхождения» (например: *лук* «растение» и *лук* «оружие»)¹⁵. Во вторую подгруппу выделены «слова, производные от разных слов или слов-омонимов» (существительные: *кабачок* «овощ» и *кабачок* «ресторанчик» и др.; прилагательные: *железистый* «содержащий железо» и *железистый* «относящийся к железу»; глаголы: *бронировать* «покрывать броней» и *бронировать* «предоставлять броню»).

Третья группа — «слова общего происхождения, у которых разрыв семантических связей сочетается с установлением структурных особенностей». Здесь выделяются слова непроизводные (например: *мир* «вселенная» и *мир* «отсутствие вражды») и производные (отглагольные имена: *завод* «промышленное предприятие» и *завод* «действие по глаголам *заводит*, *заводиться*»; образования с суффиксами лица или предмета от глагольных и глагольно-именных основ: *наушник* — предмет и тот, кто наушничает; производные прилагательные: *примерный* «образцовый» и *примерный* «приблизительный»; производные глаголы: *донести* «неся, доставить куда-либо» и *донести* «сделать доносение, донос»). В третью группу включены также глаголы с омонимическими приставками (например, с приставкой *за-*). Заметим кстати, что или в этой главе, или в главе, посвященной структуре словаря, нужно было показать, как будут даваться в словаре подобные омонимические приставки, а также будут ли в словаре представлены как омонимы отдельные омонимические морфемы (например: *ком-* «коммунистический» и «командный», *авто-* «автомобильный» и «автоматический» и т. п.).

Предлагаемое деление омонимов на типы не представляется нам убедительным. Здесь смешаны два разных подхода к омонимам — с точки зрения исторической и с точки зрения современного употребления. Кроме того, в первом разделе «Инструкции» наряду со случаями вроде *мол* — латинское по происхождению существительное и *мол* — собственно русское вводное слово, *пасть* — существительное и *пасть* — глагол, *простой* — существительное и *простой* — прилагательное даются такие примеры, которые сюда совершенно не относятся, например: *рабочий* — прилагательное и *рабочий* — существительное, между тем, пользуясь именно такими характерными словами, как *рабочий*, следовало показать, почему данные слова в современном языке — омонимы, а слова *больной*, *раненый* — многозначные слова. Нужно было определить, чем должен руководствоваться составитель при подаче подобных слов в словаре.

По происхождению в языке существуют не три, а две категории омонимов: омонимы этимологические, т. е. совпавшие в своем звучании некогда разные слова, и омонимы исторические, т. е. образовавшиеся из разных значений одного и того же слова в процессе языкового развития¹⁶.

Первый тип омонимов (этимологические) в словарной практике обычно особых трудностей не представляет, так как и этимологический, и семантический анализ слова позволяет сравнительно легко решить вопрос об омонимичности этих слов; трудности здесь единичны — лишь в случаях неясной или спорной этимологии.

¹⁴ Среди различных структурных особенностей подчеркиваются словопроизводственные отношения.

¹⁵ Заголовок данного подраздела следовало бы сформулировать иначе, например: «Русские слова, совпавшие в своем звучании в результате различных фонетических процессов», так как в свете приведенного примера (*лук*) указание на «различное происхождение» может быть понято как указание на разную этимологию слов.

¹⁶ Подробнее об этом см. в цитированной выше статье С. И. Ожегова «О трех типах толковых словарей современного русского языка», а также в его статье «Вопросы лексикологии и лексикографии», «Труды Ин-та языка и лит-ры АН Латвийской ССР», II, Рига, 1953, стр. 107—122.

При выделении омонимов второго типа (исторических) возникают значительные трудности теоретического характера. «Вопросы семантического словообразования, — пишет акад. В. В. Виноградов, — у нас почти не были предметом историко-лингвистического исследования. И это обстоятельство самым плачевным образом сказывается на теории и практике лексикографии. Смещение омонимов — типичный недостаток большей части наших толковых словарей»¹⁷. При установлении омонимии в этих случаях рассуждение должно идти от обнаружения основного признака омонимии к обязательному анализу структурных особенностей слова.

Основным признаком омонимов с точки зрения современного словоупотребления является полная самостоятельность значений. Например: *класс* «общественная группа людей» и *класс* 1) «группа учащихся», 2) «классная комната», 3) «разряд», 4) «подразделение в различных классификациях» и т. п.; *брак* «супружество» и *брак* «изъян в чем-либо»; *печь* (существительное) и *печь* (глагол); *только* (наречие), *только* (союз) и *только* (частица); *а* (союз), *а* (частица) и *а* (междометие). Семантическая разобщенность омонимов обычно сопровождается разными словопроизводственными отношениями и морфолого-синтаксическими различиями (последнее особенно ясно выражено у омонимов — разных частей речи). Например: *мир* — соотносительное с *мировой*, и *мир* — соотносительное с *мирный*, *мирить*; *завод* — соотносительное с *завести*, *заводной* и *завод* — соотносительное с *заводский*, *заводчик*; *массировать* — от *массаж* и *массировать* — от *масса*; *критический* — от *кризис* и *критический* от *критика*; *жить* — *жну*, *жнешь* и т. д. и *жить* — *жму*, *жмешь* и т. д.

Четвертая глава «Инструкции» («Смысловая и стилистическая характеристика слов», §§ 1—47) — одна из самых важных для толкового словаря.

В первом разделе, посвященном принципам толкования слова, правильно подчеркивается, что «основой и главной задачей словарной статьи является смысловая характеристика слова» (§ 1, стр. 30), а в построении словарной статьи особенно существенно «правильное выделение и определение отдельных значений слова, а также установление верного соотношения между значением и оттенками значения» (§ 4). Не вызывает возражений и предлагаемый порядок размещения значений с вынесением при определенных условиях на первое место прямого значения (§ 5), общеупотребительного значения (§ 6), наиболее общего значения (§ 7).

«В зависимости от тематических групп лексики» выделяются следующие типы определений слов (§ 13): а) «сжатое истолкование слова» для объяснения глаголов, прилагательных, наречий, отвлеченных существительных и т. п.; б) «краткая характеристика обозначаемого предмета» — для существительных конкретно-предметного значения; в) «краткое определение энциклопедического характера» — для слов, обозначающих «особо важные политические и философские понятия».

Приведенные в § 17 образцы толкований производных слов в основном отвечают задачам трехтомного словаря, однако отдельные случаи вызывают возражения. Так, например, определять *сладость* только как «качество сладкого» (стр. 36) нельзя, потому что пропадают такие основные значения слова, как «сладкий вкус» (*в тесте мало сладости*), «сласть» (*восточные сладости*). Нужно также иметь в виду, что определения данного типа (а также типа: *смело* — нареч. к *смелый*) обычно не удовлетворяют пользующихся словарем, так как определения типа «качество, свойство чего-то» (сладкого, клейкого и т. п.) по существу являются не толкованиями слов, а особого рода отсылками к другим словам. Прибегать к подобным определениям можно только в случаях полного соответствия между значениями слов. В словах *обсуждение*, *накопление* отмечены только отвлеченные значения действия и не отмечены их другие производные от отвлеченных значения.

Специальными приложениями (стр. 50—57) даются типовые толкования различных групп относительных имен прилагательных, а также названий растений и животных¹⁸.

Относительно толкований терминов в «Инструкции» говорится: «Специальные (научные или технические) термины определяются на основе научно-технических словарей и справочников... Характер определений специальных терминов зависит от смыслового содержания определяемого слова, от соотношения между специальным его значением и значением общелитературным» (§ 14, стр. 34). «Если слово в спе-

¹⁷ В. В. Виноградов, Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (На материале русского и родственных языков), сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952, стр. 146.

¹⁸ Заметим попутно, что слово *овца* толкуется по установившейся традиции только как «самка барана», основное же определение дается на слово *баран*. В данном случае, исходя из положения «Инструкции» — давать полные определения при одинаковой хозяйственной ценности и при названии самца, и при названии самки (§ 21, стр. 57, ср. там же объяснения слов *бык* и *корова*), следовало бы дать развернутое определение. Слово *овца* в русском языке не менее развито по своему употреблению и словообразовательным связям, чем слово *баран*. Ср. *стада овец* (*стадо баранов* — теперь только в переносном значении), *романовские овцы*, *овцеводство* и т. п.

циальном и в общелитературном употреблении имеет одно и то же основное значение, то оно определяется на основе общелитературного его понимания, согласованного с научным определением» (§ 15, стр. 34). С полным основанием отказываясь от энциклопедического толкования терминов, несовместимого с задачами толкового словаря, составители вместе с тем подчеркивают, что объяснения слов должны быть согласованы с научными определениями соответствующих понятий. Это последнее положение нарушается уже в «Инструкции». Объяснения некоторых терминов создают впечатление, что в будущем трехтомном словаре научное определение и «общелитературное понимание» слова не всегда будут приведены в необходимое соответствие. Остановимся на толкованиях двух терминов. О слове *баобаб* сказано: «Гигантское тропическое дерево с чрезвычайно толстым стволом» (§ 6, стр. 53). На самом деле это дерево сравнительно невысокое — всего 18—25 м (тогда как эвкалипты достигают 155 м, пихты — 75 м, сосны — 50 м); оно отличается двумя основными свойствами: толщиной ствола и долголетием (о последнем в определении ничего не сказано). Составной термин *вулканическая бомба* объясняется следующим образом: «кусок лавы, вылетающий из кратера вулкана вслед за газами и во время полета приобретающий округлую форму» (стр. 65). На самом деле наряду с округлой формой также часто встречаются веретенообразные, лентообразные и лепешкообразные формы вулканической бомбы. Следовало или вообще о форме умолчать, или сказать: «... приобретающий разнообразную форму». Определение в толковом словаре никак не должно противоречить фактам; оно должно быть филологическим (в отличие от энциклопедического) и научно-популярным одновременно.

При определении названий животных и растений составители отказываются от указаний на семейство животных или растений: они считают, что такие указания «мало помогают толкованию значения...», а иногда и затрудняют понимание определяемого слова» (§ 2, стр. 53). «Указание на семейство дается в Словаре только в том случае: а) если семейство в целом имеет важное хозяйственное значение...; б) для наименований редких животных и растений, мало известных в пределах нашей страны...» (§ 3, стр. 53). Легко заметить, что § 2 противоречит § 3. С другой стороны, в разрез с положением § 3, указание на семейство дается при слове *тигр* (стр. 68), хотя тигр и все семейство кошачьих не имеет важного хозяйственного значения и не является редким или малоизвестным животным.

Мы считаем, что указание на семейство полезно в тех случаях когда оно помогает пониманию слова (например, указание на семейство кошачьих, семейство оленей, семейство лососевых), когда оно сразу соотносит незнакомое слово со знакомым, употребительным словом (например: *кабарга* — семейство оленей). Следует также помнить, что указание на семейство позволяет читателю легко найти соответствующие сведения в специальном справочнике.

«Приложение», посвященное определению специальных ботанических и зоологических терминов, разработано достаточно подробно, но целый ряд второстепенных вопросов все же нуждается в уточнении. Так, например, в объяснениях слов *земляника*, *астра*, *акация* и др. есть указание на запах, а при словах *аваля*, *георгин* и др. такое указание отсутствует. Нужно было оговорить, в каких случаях дается указание на запах, на окраску растения, на размер, окраску животного и т. п.

Типы пробных толкований названий растений и животных, а также относительных прилагательных разработаны в «Инструкции» подробно, хотя в самих формулировках нет ничего принципиально нового.

Нужно, чтобы соответственно были разработаны и толкования других категорий слов. Прежде всего это относится к общественно-политическим терминам. О них в «Инструкции» говорится всего несколько слов: «... краткие определения энциклопедического характера ... применяются лишь по отношению к словам, обозначающим особо важные политические и философские понятия (*ленинизм*, *материализм*, *государство* и т. п.)» (§ 13, стр. 33). В примечании говорится: «В тех случаях, когда в сочинениях классиков марксизма-ленинизма имеются определения философских и политических понятий или терминов, то в качестве истолкования приводится цитата, содержащая это определение» (стр. 33—34). Сказанного совершенно недостаточно. Следовало дать образцы толкований основных философских, политических, экономических и других терминов (например: *время*, *материя*, *диктатура*, *империализм*, *стоимость*, *воспроизводство*). Нужно подчеркнуть, что в «Инструкции» менее всего разработаны разделы, касающиеся отбора и толкования общественно-политической лексики — категории слов, которая должна быть разработана в словаре особенно четко.

В «Инструкции» ничего не говорится о приемах толкования целого ряда категорий слов и типов значений. Следовало бы дать типовые толкования слов—названий предметов домашнего обихода, хозяйства и хозяйственных принадлежностей, музыкальных инструментов, типы толкований названий современных и исчезнувших народов, народностей и племен, традиционных народных и религиозных обрядов, а также типовые толкования производных значений слова. Все это — трудные вопросы словарной практики. Здесь составителям «Инструкции» так же, как и в других разделах,

следовало обобщить и по возможности усовершенствовать опыт существующих словарей.

Отсутствие подобных обобщений приводит к разнобою уже в пределах самой «Инструкции». Так, например, в рассеянных в разных местах и по разному поводу формулировках названий лиц то употребляется оборот «*тот, кто...*», то конкретное существительное. Ср. *коновод* «*тот, кто присматривает за лошадьми*» (стр. 25), *побратим* «*тот, кто вступил в побратимство*» (стр. 48), *борзовищец* «*тот, кто пишет быстро, наспех...*» (стр. 49), но *маржер* «*лицо, прислуживающее при игре на биллиарде*» (стр. 28), *доярка* «*работница, которая доит коров и ухаживает за ними*» (стр. 37). Нам представляется целесообразной во всех случаях замена неопределенного и расплывчатого оборота «*тот, кто...*» точным и определенным в каждом конкретном случае опорным существительным («*специалист*», «*работник*», «*лицо*», «*лицо или учреждение*» и т. п.).

Во втором разделе четвертой главы («*Стилистическая характеристика слов*», §§ 18—47) излагаются правила применения в трехтомном словаре стилистических помет.

Словарь, рассчитанный на 90—100 тысяч слов, должен с достаточной полнотой отразить стилистическое многообразие современного русского языка. Задача нормативного словаря — не только истолковать слово, но и правильно охарактеризовать, показать его стилистическую окраску. Как подчеркивается в «Инструкции», словарь «... должен дать указания в тех случаях, когда слово или одно из его значений строго ограничено в своем употреблении определенным стилем речи и этим отличается от других слов словарного состава, а в некоторых случаях даже противостоит слову нейтрального слоя, представляя собой его стилистический дублет. Особенно важными являются указания на те слова, которые стоят на границе литературного языка» (стр. 10).

Система стилистических помет, принятая в «Инструкции» (§ 22, стр. 40), совпадает с системой помет, принятых в словаре под ред. Д. Н. Ушакова, кроме пометы «*высок*», заимствованной из словаря С. И. Ожегова. Но в трехтомном словаре вполне обоснованно исключаются эмоционально-оценочные пометы — «*пренебрежительное*», «*презрительное*», «*неодобрительное*», часто ошибочно употребляемые в словарях по отношению не к значению слова, а к тому, что этим словом обозначается (например, помета «*шрезр.*» при слове *трус*).

В «Инструкции» указываются общие признаки стилистически окрашенных слов в отличие от слов нейтральных, подчеркивается разница между просторечными словами и разговорными, намечаются разряды книжных слов и т. д. В «Инструкции» правильно отмечается разница между устарелыми словами (типа *аран*, *стихотворец*) и словами, обозначающими понятия и предметы исторического прошлого (§§ 40, 41, 42). Следует приветствовать сопровождение последних пояснительными указаниями: «*в древней Руси*» (при слове *посадник*), «*в старину*» (при слове *поставец*), «*в дореволюционной России*» (при словах *сословие*, *чиновный*), «*в древней Греции*» (при слове *ритор*) и т. п. Подобные указания, но уже на область применения, даются при словах-терминах (§ 44), например, при словах *амфибрахий*, *бруствер*, *бур*. Помета «*спец.*» дается при терминах, область применения которых по каким-либо причинам трудно указать или если данный термин известен в ряде областей (например, при словах: *таксация*, *талон*, *талл.*) В данной главе следовало бы привести не только перечень помет, но и перечень всех возможных пояснительных указаний. Такие указания применялись в старых русских академических словарях, подробно были разработаны в четырехтомном словаре под ред. Д. Н. Ушакова и в словаре С. И. Ожегова.

Пятая глава «Инструкции» («*Фразеология*», §§ 1—32) посвящена вопросу отбора фразеологических единиц и принципам их размещения в словарной статье. Отмечая, что «вследствие неизученности вопроса, в настоящее время невозможно дать полную научную классификацию входящей в словарь фразеологии» (стр. 59), авторы все же дают общий перечень групп фразеологических единиц, подлежащих включению в словарь.

По «Инструкции», в словарь включаются устойчивые сочетания-термины (*классовая борьба*, *горный комбайн*, *точка кипения* и т. п.), составные названия предметов (*почтовый ящик*, *белый гриб*, *зуб мудрости* и др.), устойчивые глагольные сочетания, «в которых глагол выполняет грамматическую функцию, а существительное — лексическую» (типа *принять постановление*, *одержать победу* и др.). В словарь также войдут крылатые выражения (*человек в футляре*, *тришкин кафтан* и т. п.), выражения, связанные с историческими событиями (например, *мамаево побоище*), с мифами (например, *яблоко раздора*), с религиозными текстами (*жозел отпущения*, *притча во лжице* и т. п.). В словаре будет представлена «идиоматика устного народного творчества» (*за тридевять земель*, *как белка в колесе* и др.), цельные экспрессивные выражения (*скрутить в бараний рог*, *дело табак* и т. п.). Будут отражены и сочетания слов, употребляющиеся в роли наречий, предлогов, союзов (например, *в силу*, *тем не менее*, *как раз* и др.), а также сочетания слов, выступающие в речи в значении вводных слов (например, *так сказать*, *во всяком случае*). На правах фразеологии включаются в сло-

варь поговорки, употребляющиеся в языке как привычные выражения (например, *кто в лес, кто по дрова; пройти сквозь огонь и воду*).

Разнообразие и обилие фразеологических сочетаний создает большие трудности при размещении их в словаре, поэтому составители «Инструкции» уделяют большое внимание вопросу расположения фразеологии.

Перед составителями и редакторами словаря встают вопросы: под каким словом давать тот или иной фразеологический оборот и где помещать его в пределах словарной статьи. Опыт имеющихся уже словарей в этом отношении дает сравнительно немного, так как принципы размещения фразеологического материала, как правило, не выдерживаются ни в одном из имеющихся русских толковых словарей. Причина здесь — не только в неразработанности вопроса, но и в специфике самого материала.

В «Инструкции» недостаточно четко выделены основные типы русской фразеологии: фразеологические сращения, фразеологические единства, устойчивые фразеологические сочетания¹⁹. Отсюда, на наш взгляд, разпыленность и неясность отдельных предложений составителей по размещению фразеологических оборотов. Во фразеологическом сращении выделить опорное слово невозможно, так как основным признаком сращения является «семантическая неделимость, абсолютная невыводимость значения целого из компонентов»²⁰. Немногом легче выделить опорное слово во фразеологическом единстве, так как самостоятельные значения составляющих его слов приглушены. Потому-то так трудно бывает решить, под каким словом давать подобные выражения в словаре.

В «Инструкции» предлагаются различные способы размещения фразеологических единиц по смысловому признаку или по грамматически главенствующему слову. Фразеологические сочетания будут даны в трехтомном словаре под соответствующим связанным значением, например: *щекотливый вопрос, щекотливое положение* — под словом *щекотливый*; *растяжимое понятие* — под словом *растяжимый* (§ 14). По смысловому признаку будут располагаться выражения, в которых «легко обнаруживается смысловый центр, т. е. слово, сосредоточивающее на себе смысл выражения» (стр. 60), например: *телячий восторг* — под словом *телячий*, во всяком случае — под словом *всякий*, *точка зрения* — под словом *зрение*, *яблоко раздора* — под словом *раздор* и т. д.

По грамматически главенствующему слову, а также по первому по порядку слову будут помещены выражения, в которых невозможно выделить наиболее значимое в смысловом отношении слово: *дать знать, дать понять* — под словом *дать*; *голова идет кругом, кот наплакал* — под словами *голова, кот*; *куда ни шло* — под словом *шло* и т. д.

Идиоматические выражения, содержащие архаичные слова, будут помещены под этими словами, например: *точить лясы* под словом *лясы* (§ 16).

В изложенных положениях самым спорным является выделение «смыслового центра» в выражениях, представляющих собою фразеологические единства. Точнее было бы искать здесь образный стержень выражения. Акад. В. В. Виноградов пишет о фразеологических единствах: «Значение целого связано со смутным ощущением внутреннего образного стержня фразы, потенциального смысла слов, образующих эти фразеологические единства»²¹. Таким образным стержнем, например, в сочетании *яблоко раздора* является слово *яблоко*, и давать это выражение нужно под словом *яблоко*, а не под словом *раздор*, как это предлагается в «Инструкции», тем более, что это сочетание с неизменяемым порядком слов и искать его в словаре будет по первому слову.

К сожалению, в данном разделе, довольно подробно разработанном, не приведено целиком словарных статей на слова типа *глаз, рука, идти*, богатых фразеологическими сочетаниями, которые дали бы возможность наглядно показать приемы подачи в словаре разнообразного фразеологического материала.

Серьезным недостатком главы является также то, что составители не останавливаются специально на подаче и приемах объяснения сложных терминов общественно-политического характера типа *диктатура пролетариата, средства производства, народная демократия, буржуазная демократия*.

Шестая глава «Инструкции» («Иллюстрации в словаре», §§ 1—16) с достаточной полнотой описывает типы иллюстративных примеров, включаемых в трехтомный словарь.

Иллюстративные примеры, как правильно подчеркивается в «Инструкции», должны содействовать более полному раскрытию значения слова, указывать на сферу его употребления, подтверждать данную в словаре смысловую, грамматическую и стилистическую характеристику слова. Помимо иллюстративных примеров, составленных

¹⁹ См. В. В. Виноградов, Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины, в кн. «Труды юбилейной научной сессии» Ленингр. ун-та, Секция филол. наук, Л., 1946, стр. 45—69.

²⁰ Там же, стр. 51.

²¹ Там же, стр. 56.

авторами словаря на основании материалов картотеки (так называемых «речений»), в словаре будут помещаться и прямые цитаты из художественной, критико-публицистической, общественно-политической, научной и научно-популярной литературы (§§ 4, 5, 10).

Седьмая глава «Инструкции» («Грамматическая характеристика слова», §§ 1—65) посвящена вопросам объема и места грамматических сведений в нормативном словаре. Грамматические сведения даются здесь целиком в духе русской лексикографической традиции, ближе всего к грамматической структуре четырехтомного словаря под ред. Д. Н. Ушакова. В этом разделе очень подробно и всесторонне характеризуется подача существительных, прилагательных и глаголов, менее подробно — наречий. Другие же части речи, представляющие для словаря специфические трудности (например, союзы, предлоги, междометия), не разбираются совсем, если не считать указания на грамматические пометы при них. Ничего не говорится о их подаче и в других главах «Инструкции». Во всей инструкции нет ни одного примера словарной статьи на местоимение, числительное, союз, междометие. Поэтому читатель никак не может судить о приемах подачи этих частей речи в словаре. Единственный имеющийся в «Инструкции» пример на предлог («С, со. Предлог, употребляющийся с род., вин. и твор. падежами», § 61, стр. 90) только подтверждает предположение, что вопросам разработки и подачи служебных слов составители «Инструкции» не уделили никакого внимания.

Между тем в словарной практике характеристика значений и употребления междометий, частиц, предлогов, союзов представляет значительные трудности, осложняющиеся еще и тем, что слова эти, особенно морфологически неделимые предлоги и союзы, чрезвычайно многозначны. Особое значение в словаре приобретают и приемы иллюстрации этих частей речи.

Отметим еще один существенный недостаток этой главы. В «Инструкции» есть ссылки на отдельные параграфы академической «Грамматики русского языка»²², но нигде не сказано, что все грамматические сведения даются в согласовании с этой грамматикой. Больше того, если судить по примерам, в «Инструкции» немало расхождений с академической грамматикой, а многие вопросы, общие и одинаково важные и для нормативной грамматики и для нормативного словаря, обходятся. Так, например, в § 6 седьмой главы читаем: «Если в литературном языке какая-либо форма существует в двух вариантах или употребляется с двояким ударением, то в заголовке приводятся оба варианта ... например: Река́, -й, вин. реку́, мн. ре́ки...» (стр. 77). Но ведь форма *реку́* является разговорной²³; это нужно было оговорить.

В § 8 сказано: «Другие падежные формы (кроме именительного и родительного. — *Авт.*) приводятся только в случае изменения места ударения (по сравнению с родительным падежом единственного числа), при наличии двояких форм...» Среди примеров приводятся: *Дупло́, -а, мн. дупла́, дупл и дупла́м; тя́гло, -а и тягло́, -а, мн. тя́гла, тягл и тя́гол, тя́глам* (стр. 78). В грамматике говорится: «В современном языке... предпочитают формы ... *дупл, дышл, ремесл, тягл* и т. п.»²⁴. Это указание академической грамматики в «Инструкции» тоже не принимается во внимание.

Необходимо устранить противоречия между академической грамматикой и академическим словарем. Нельзя допустить, чтобы два связанных между собою и дополняющих друг друга нормативных издания, выпускаемых одним научным учреждением, расходились в рекомендациях конкретных языковых норм.

При грамматических формах в трехтомном словаре совершенно напрасно не дается стилистических помет: это необходимо в словаре нормативного типа.

Ничего не говорится в «Инструкции» о подаче слов с колебаниями в роде (например: *ставень и ставня, рельс и рельса*), в личных формах (например: *тычут и тыкают, рыщут и рыскают*), о подаче слов общего рода (например: *со́ня, ту́пица, юла*), о грамматической характеристике аббревиатур (типа *МК, МТС*) и о целом ряде других важных грамматических вопросов.

Восьмая глава «Инструкции» («Орфография и ударение», §§ 1—10) занимает всего полторы страницы и обходит молчанием ряд очень существенных вопросов, встающих перед составителями нормативного словаря. Явно недостаточно внимания уделено вопросам правописания. Здесь говорится, что в словаре соблюдаются правила орфографии, утвержденные Министерством просвещения РСФСР для седьмого издания «Орфографического словаря» Д. Н. Ушакова и С. Е. Крючкова (стр. 92). Трехтомный словарь «будет заключать в себе от 90 до 100 тысяч слов» (стр. 5), а в «Орфографическом словаре» содержится всего около 12 000 слов. Орфографические правила, на которые ссылаются составители «Инструкции», очень общи и не касаются целого ряда существенных, иногда спорных вопросов орфографии и пунктуации. Какой, например, вариант написания будет принят для слова *вящий* (или *вящийся*),

²² «Грамматика русского языка», т. I, М., Изд-во АН СССР, 1952.

²³ См. «Грамматику русского языка», стр. 204.

²⁴ Там же, стр. 161.

отсутствующего в орфографическом словаре? ²⁵ Такие случаи в русской орфографии не единичны. Нормативный словарь немислим без решения орфографических вопросов. Нужно помнить, что читатель часто обращается к словарю именно для выяснения правильного написания слова. Нормативный словарь не может ограничиться и регистрацией употребительных написаний, иначе ему придется отойти и от указаний школьного орфографического словаря, так как такие «неправильные» написания, как *будничней, галлерей, эксплуатация*, не менее распространены в современной прессе и в художественной литературе, чем соответствующие «правильные» ²⁶. Известно, что в школьном орфографическом словаре есть несколько слов в двойном написании и что это явление временное, переходного характера. Составители академического словаря, не проанализировав таких двойных написаний, вводят орфографические варианты (стр. 92) в том виде, в каком они приняты в школьном словаре.

В словарной инструкции должны быть даны установки и для употребления прописных букв (например: *Крайний север* или *Крайний Север*, *Народная республика* или *Народная Республика*, *орден Красного знамени* или *Орден Красного Знамени* и т. п.), и для ряда других случаев, в которых наблюдается разнობой. При отсутствии четких решений этот разнობой может проникнуть и в текст самого словаря.

Перед составителями словаря, обязанными дать текст, унифицированный во всех отношениях, встает целый ряд затруднений и в вопросах пунктуации (как раз в таких, которые правилами не учитываются), в вопросах переноса слов (при короткой словарной строке число переносов в словаре по сравнению с другими печатными текстами утраивается). Нормативный словарь должен быть единообразным во всем. Нельзя, например, допустить, чтобы в одном случае был пример *белый как снег*, а в другом *труслив, как заяц*, хотя правила пунктуации разрешают оба написания (и с запятой перед сравнительным оборотом, и без нее). Вопрос об ударениях на заглавных словах также, в сущности, обходится составителями «Инструкции», так как для нормативного словаря совершенно недостаточно указаний типа: «В заголовочных словах проставляется ударение» (§ 7); «Если современный литературный язык допускает колебания в ударении, то в заголовке слово ставится с двумя ударениями» (§ 9). В области ударения необходимо использовать стилистические пометы и пометы «устарелое» и «областное» (там, где они необходимы). Ничего не говорится в «Инструкции» о случаях перехода ударения на предлог; неясно, будут ли они отмечены в словаре.

В § 10 сообщается: «Указания на произношение в Словаре не даются» (стр. 93). Об этом приходится только пожалеть. После четырехтомного словаря под ред. Д. Н. Ушакова, в котором были найдены удобные и ясные формы указания на произношение там, где это нужно, вряд ли можно признать оправданным отказ составителей академического словаря от выполнения одной из своих прямых и первостепенных обязанностей. От академического словаря мы вправе требовать не только указания на произношение вообще, но и на произносительные варианты ²⁷.

Напрасно также исключены из словаря этимологические пометы и этимоны. Последние часто способствуют отчетливому пониманию значения слова, его орфографии, а иногда и произношения. Это ограничение в словаре тем более непонятно, что при фразеологических оборотах этимологические сведения сообщаются (стр. 65).

Несколько слов о структуре самой «Инструкции». Нам кажется, что ею было бы легче пользоваться, если бы нумерация параграфов была сплошной и если бы отдельные главы «Инструкции» были теснее связаны между собой. Для удобства пользования к «Инструкции» следовало бы приложить список грамматических и стилистических помет, а также несколько полных словарных статей на различные категории слов (примеры в тексте «Инструкции» обычно даются в сокращенном виде).

Есть отдельные мелкие погрешности, на которых мы не можем останавливаться. Укажем лишь на то, что типы определений названий самок животных и детенышей даются дважды (на стр. 37 и на стр. 57), примечание по поводу слов *зонтик, червяк* и др. дается в разделе «Отглагольные существительные» (стр. 27—28), по-разному оформляются однотипные словарные статьи (например, *душно, грустно*; стр. 90).

Как уже отмечалось выше, «Инструкция для составления „Словаря современного русского языка“» широко использует опыт существующих русских толковых словарей. Будущий трехтомный словарь по своей структуре, по приемам грамматической

²⁵ Член-корр. АН СССР Д. Н. Ушаков считал единственно правильным написание *вящий* (так и в четырехтомном словаре под его редакцией); акад. С. П. Обнорский считает верным только написание *вящий* (так и в академическом словаре 1951 г.); словарь С. И. Ожегова дает оба написания и рекомендует *вящий*.

²⁶ Например, в «Правде» пишется всегда *галерея*, в «Литературной газете» — преимущественно *галерея*, а в «Советской культуре» — обычно *галлея*. Написание *будничней* фигурирует только в словарях.

²⁷ Отметим, что в словаре под ред. Д. Н. Ушакова и в словаре С. И. Ожегова вопросу о произносительных вариантах не уделяется должного внимания.

и стилистической характеристики слова, а также по принципам размещения фразеологического материала и подбора иллюстративных примеров будет близок к четырехтомному словарю под ред. Д. Н. Ушакова, а по приемам толкования слов — к однотомному словарю С. И. Ожегова. В приемы и методы размещения фразеологического материала, толкования отдельных категорий слов, выделения омонимов по сравнению с названными словарями внесены некоторые уточнения.

Существенным недостатком будущего словаря сравнительно с строго нормативным академическим словарем русского языка под ред. Я. К. Грота²⁸ и с современными толковыми словарями является отказ от решения целого ряда орфографических, орфоэпических и грамматических вопросов, от которых не могут и не должны отказываться составители нормативного словаря.

При решении конкретных лексикографических задач, особенно в области грамматической характеристики слова, орфографии и орфоэпии, авторы «Инструкции» недостаточно внимательно отнеслись к нормативной стороне словаря. Показательно, что орфография и орфоэпия вообще не включены составителями в понятие «нормативности». Так, во введении говорится: «Назначение трехтомного Словаря—дать нормы употребления слов... Нормативность достигается: а) подбором слов, включенных в Словарь, б) выделением и характеристикой значений слов и их оттенков, указывающих правильность их употребления в речи, в) стилистическими пометами, устанавливающими сферу и границы употребления того или иного слова (или его значения), г) убедительными цитатами или предложениями, взятыми из авторитетных источников, показывающими, как и в каких сочетаниях данные слова употребляются, д) грамматическими объяснениями и е) расстановкой ударений» (стр. 7). Таким образом, орфография и орфоэпия не включаются в круг тех явлений языка, которые подлежат нормализации в словаре.

В то же время нельзя не признать, что составители «Инструкции» проделали большую работу, которая в целом заслуживает положительной оценки. Они обобщили имеющийся опыт составления словарей данного типа, подробнее разработали ряд отдельных вопросов (ср. разделы, посвященные фразеологии, омонимии, и некоторые другие). Многие недостатки «Инструкции» объясняются общей неразработанностью целого ряда вопросов лексикологии и лексикографии.

Т. Г. Бранцева и Р. М. Цейтлин

П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги.—М., Изд-во АН СССР, 1953. 375 стр. (Ин-т языкознания.)

Каждое новое, полное описание языка того или иного памятника письменности способствует исследованию всего пути, пройденного языком в процессе его становления и совершенствования. В связи с этим следует приветствовать выход в свет книги проф. П. Я. Черных «Язык Уложения 1649 года», изданной Институтом языкознания Академии наук СССР.

Труд П. Я. Черных в той части, где дается описание фонетики и морфологии памятника, является именно таким исследованием языка Уложения, которое по справедливости может быть названо полным, добросовестным и тщательным.

Уложение 1649 г., являясь деловым документом эпохи, отражающим соответствующие языковые нормы своего времени, представляет значительный интерес. Поэтому выбор для исследования именно данного памятника можно считать удачным. Да и XVII в. как период становления национального языка должен привлекать к себе внимание исследователей, тем более, что письменность этого века, как и предшествующего ему XVI в., нельзя считать достаточно изученной. П. Я. Черных совершенно справедливо отмечает в предисловии большую роль Уложенной книги как памятника печати того, разошедшегося в большом количестве экземпляров в период складывания «нового» (мы полагаем, национального. — М. С.) литературного языка (стр. 4)¹.

В работе П. Я. Черных, кроме описания языка, т. е. фонетики и морфологии памятника, имеется детально изложенная история создания Уложения, которой посвящены четыре главы: I. «История Уложенной книги», II. «Источники Уложенной книги», III. «Редакционная коллегия Уложенной книги» и V. «К вопросу об изданиях старо-

²⁸ «Словарь русского языка, сост. Вторым отд-нием Имп. акад. наук», т. I (под ред. Я. К. Грота), СПб., 1895.

¹ Здесь и в дальнейшем в тексте в скобках даются ссылки на страницы рецензируемой книги.